

Научная статья
УДК 342

ОБ ОСНОВНЫХ ХАРАКТЕРИСТИКАХ ПУБЛИЧНОЙ ВЛАСТИ

Фомичев Андрей Андреевич

Орловский юридический институт МВД России имени В. В. Лукьянова, Орел,
Россия

andry2453@yandex.ru

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению публичной власти, выявлению её основных характеристик. Исследуется природа данной власти, изучаются её наиболее значимые черты. Приводятся и освещаются различные точки зрения и подходы учёных по указанному вопросу. Акцентируется внимание на присущих им достоинствах и недостатках. Формируется и аргументируется авторская модель основных характеристик публичной власти. Делается вывод о системной взаимосвязи, взаимодополнении и взаимопроникновении приведённых в статье признаков и характеристик, выступающих неотъемлемым компонентом публичной власти независимо от её формы и исторической ступени развития. Подчёркивается, что именно система указанных характеристик (признаков) позволяет констатировать наличие публичной власти в том или ином обществе, а также предоставляет возможность отграничить её от иных видов социальной власти.

Ключевые слова: публичная власть, публичные интересы, артикуляция публичных интересов, принуждение, территориально-организованный коллектив, социальная власть.

Для цитирования: Фомичев А. А. Об основных характеристиках публичной власти // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В. В. Лукьянова. 2025. № 2(103). С. 142–150.

THE MAIN CHARACTERISTICS OF PUBLIC AUTHORITY

Andrey An. Fomichev

Lukyanov Orel Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia, Orel, Russia

andry2453@yandex.ru

Annotation. The article is devoted to the consideration of public power and the identification of its main characteristics. The nature of this power is investigated, its most significant features are studied. Various points of view and approaches of scientists on this issue are presented and highlighted. Attention is focused on their inherent advantages and disadvantages. The author's model of the main characteristics of public power is formed and argued. The conclusion is drawn about the systemic interrelation, complementarity and interpenetration of the features and characteristics listed in the article, which are an integral component of public power, regardless of its form and historical stage of development. It is emphasized that it is the system of these characteristics (signs) that makes it possible to establish the presence of public power in a particular society, and also provides an opportunity to distinguish it from other types of social power.

Keywords: public power, characteristics of public authority, public interests, articulation of public interests, coercion, geographically organized collective, social power.

For citation: Fomichev A. A. On the question of the main characteristics of public authority // Scientific Bulletin of the Oryol Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. V. Lukyanov. 2025. № 2(103). P. 142–150.

В настоящее время исследование основополагающих характеристик публичной власти приобрело особую актуальность вследствие активно протекающих политико-правовых преобразований. Феномен публичной власти сегодня оказался в центре государственных трансформаций, переживаемых Российской Федерацией [1, с. 18]. В одном из ежегодных посланий Федеральному Собранию РФ Президент РФ Путин В. В. обратил внимание на необходимость «закрепления в Конституции принципов единой системы публичной власти, выстраивания эффективного взаимодействия между государственными и муниципальными органами»¹. Идея Президента РФ была поддержана российским парламентом и отразилась в Законе РФ о поправке к Конституции от 14.03.2020². Ключевым событием при этом стало всероссийское голосование, по результатам которого категория публичной власти приобрела конституционно-правовое оформление в тексте Основного Закона России. Вместе с тем Конституция РФ не раскрывает ни перечень элементов публичной власти, ни самого её определения. Конкретное содержание, структуру и механизм функционирования публичной власти в России ещё только предстоит сформировать и отрегулировать в целом комплексе нормативных правовых документов [1, с. 19]. Как указывает Стариков Ю. Н., конституционно-правовое закрепление категории «публичная власть» неминуемо станет отправной точкой кардинального изменения российского законодательства [2, с. 28]. Поэтому уже сейчас важно не только исследовать данный феномен, но и вскрыть его сущностные характеристики, позволяющие понять, спрогнозировать и сконструировать многосторонние проявления государственно-правовой действительности.

Рассматривая основные характеристики публичной власти, прежде всего следует обратить внимание на тот факт, что она является разновидностью социальной власти [3, с. 5; 4, с. 8], то есть существует в обществе и складывается между людьми в виде отношений господства и подчинения. Специфика этих отношений состоит в утверждении человеком своей воли вопреки волевому сопротивлению других людей. Иными словами, публичная власть как разновидность социальной власти реализуется в условиях противоречия, противоборства, сопротивления между руководящим и подчинённым субъектами.

Социальный характер публичной власти также предполагает наличие общественности, то есть некоторого коллектива людей, внутри и от имени которого реализуются отношения господства и подчинения. Масштабы данного коллектива могут быть весьма разнообразны: от небольшого объединения до целой нации или народа. Однако некоторые исследователи склонны считать, что публичная власть отличается массовостью – существует среди больших групп населения. Например, Югов А. А. отмечает, что, охватывая широкие слои населения, публичная власть обладает макросоциальным характером, отличающим её от иных форм социальной власти, реализуемых в средних и малых группах. В качестве примера Югов А. А. сравнивает государственную и родительскую власть, обращая внимание на количественную разницу между ними. При этом подчёркивается, что именно

---

¹ Послание Президента Рос. Федерации Федеральному Собранию от 15 января 2020 г. // Рос. газ. 2020. 16 янв. № 7.

² О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти: закон Рос. Федерации о поправке к Конституции Рос. Федерации от 14 марта 2020 г. № 1-ФКЗ // Рос. газ. 2020. 16 март. № 55.

количественный признак позволяет отличить публичную власть от иных форм социальной власти [5, с. 44]. Однако автор не указывает, где проходит эта количественная граница, с какого момента частная власть перерастает в публичную. Вместе с тем данный вопрос представляет наибольшую сложность и до настоящего времени он так и не был однозначно решён. Дело в том, что количественный признак весьма субъективен и не позволяет однозначно понять, где именно заканчивается частное и начинается публичное, будь то власть, отношения или интересы. Например, совершенно неясно, следует ли считать племенную власть публичной или частной? Ведь племя может быть образовано как несколькими десятками, так и несколькими сотнями или даже тысячей человек. То же самое касается родовых союзов, кланов и иных социальных объединений, предшествовавших образованию государства. Рассматривая обозначенный вопрос с точки зрения материалистической диалектики, необходимо понимать, что количественный признак совершенно непригоден для того, чтобы различить публичную власть от иных форм социальной власти, так как чёткой границы между ними нет. Она зависит от конкретных материальных условий существования общества. В этой связи нельзя сказать и о том, что за пределами определённой количественной черты начинают резко происходить качественные изменения в характере власти. Увеличение или уменьшение населения, от имени и в рамках которого реализуются отношения господства и подчинения, приводит к плавному качественному переходу социальной власти в частную или публичную форму.

Более продуктивной характеристикой публичной власти, позволяющей вскрыть её отличительные особенности, представляется связь отношений господства и подчинения не только с социальной общностью, но и с конкретной территорией, на которой эта общность (коллектив, объединение) проживает. Речь идёт о территориальной обособленности населения, воспринимающего себя частью определённого географического пространства, а также обладающего самостоятельностью и независимостью от иных подобных территориальных образований. Марченко А. А. по данному поводу справедливо указывает, что о наличии публичной власти можно говорить только тогда, когда власть осуществляется для территориальной общности людей, находящейся в органичном единстве и дистанцирующейся от иных подобных территориально-организованных объединений [6, с. 23]. Чиркин В. Е., исследуя публичную власть, также акцентирует внимание на её территориальном признаке. По его мнению, публичная власть может существовать только в коллективном сообществе, образуемом жителями определённой территории внутри её границ [3, с. 6].

Несмотря на очевидность территориального признака, актуальным остаётся вопрос о том, где пролегает граница, разделяющая публичную от частной или какой-либо иной власти? Каков минимальный размер территории, население которой становится носителем публичной власти? Думается, что, опираясь лишь на территориальный признак, ответить на данные вопросы невозможно, так как само по себе количественное изменение географического пространства не даёт понимания того, где находятся пределы частной власти и откуда начинается действие публичной власти. В чистом виде такой границы не существует, она подвижна и весьма условна. В этой связи определить публичную власть и понять её сущность можно не по одному конкретному признаку, а только по их совокупности.

Так, территориальный признак публичной власти позволяет понять внешние условия социального объединения людей. Совместное проживание в рамках единого и ограниченного географического пространства служит объективным фактором их интеграции. Однако не менее важным является внутреннее условие сплочённости

населения, от имени которого реализуются отношения господства и подчинения. Таким условием выступает наличие общих (публичных) интересов.

Публичные интересы образуются из слияния потребностей, желаний и устремлений всех лиц, проживающих на общей территории и в едином социальном пространстве. Рассматривая механизм образования публичных интересов, Гак Г. М. справедливо указывает, что каждый человек сочетает в себе не только индивидуальные особенности, подчёркивающие его уникальность, но и общие черты, которые отражают в нём исторически сложившуюся в определённый момент времени совокупность общественных отношений, связывают его с социальной группой, классом и другой общностью людей [7, с. 20]. Именно эти черты и обуславливают совмещение разрозненных потребностей и желаний отдельных лиц в единство общественных интересов. При этом необходимо подчеркнуть, что публичные интересы – это не механическая сумма человеческих устремлений, а качественно иное, самостоятельное образование, отражающее общую волю населения как единого социального субъекта.

Богдан В. В. и Шергунова Е. А. по данному поводу верно указывают, что публичные интересы представляют собой осмысленную обществом потребность, которая задаёт направление его стратегического развития. Публичные интересы не сводимы к интересам отдельных лиц, и, более того, они нередко противопоставляются им [8, с. 44].

Чикунова Е. В. делает важное замечание об изменчивости объёма и границ между частными и публичными интересами. Они подвижны и зависимы от представлений об общем благе, которые в конкретный исторический период выражают объективно необходимые условия для совместного бытия и согласованного сосуществования всех членов общества как равноправных субъектов, выступающих носителями этого самого блага [9, с. 307].

Некоторое обобщение свойств публичных интересов наблюдается в исследовании, проведённом Бакаевой О. Ю. и Погодиной Н. А., которые отмечают следующее. Во-первых, публичные интересы являются общественным продуктом, не зависят от социального статуса субъекта-носителя и не могут быть удовлетворены в индивидуальном порядке. Их реализация требует широкомасштабной организации и значительного количества ресурсов.

Во-вторых, осуществление публичных интересов выступает условием реализации частных интересов, что подтверждает их фундаментальный характер как для общества в целом, так и для отдельной личности, в частности.

В-третьих, граница между сферами частного и публичного интересов подвижна и определяется законодателем.

В заключение авторами подчёркивается основополагающая роль публичных интересов для существования государственных и общественных институтов, вследствие чего, с одной стороны, данные интересы фиксируются в праве, а с другой стороны, охраняются и защищаются государством [10, с. 45].

Большинство исследователей солидарны с тем, что публичные интересы обладают особенно высокой значимостью, так как их реализация напрямую связана с целостностью, устойчивостью, безопасным существованием и развитием общества как социального единства [11, с. 55; 12, с. 110]. В этом и состоит сущность публичных интересов, которая сводится к трансляции общезначимых потребностей, подчёркивающих связь и единство социального объединения. Как видится, это обстоятельство служит и основной причиной формирования публичной власти, призванной артикулировать, охранять и защищать публичные интересы в силу их фундаментальной ценности. В этой связи нельзя не согласиться с точкой зрения

Рачинского В. В. , по мнению которого, публичные интересы, выступающие системным свойством любого общества, составляют основу публичной власти [4, с. 14].

Ф. Энгельс справедливо указывал, что уже на первоначальном этапе развития любого социального объединения существуют общие интересы, требующие охраны и обеспечения. К ним относятся: разрешение споров; репрессии против лиц, превышающих свои права; надзор за орошением, особенно в жарких странах; на ступени первобытного состояния – религиозная миссия. Все эти функции возлагаются на отдельных лиц, хотя и под надзором всего общества. Подобные должности встречаются в первобытных общинах во все времена. Они облечены известными полномочиями и представляют собой зачатки государственной власти [13, с. 313].

Как видно, публичные интересы имеют решающее значение для образования публичной власти, выступают причиной и ядром в процессе её формирования, обуславливают цели и задачи функционирования господствующего субъекта. При этом вполне закономерным видится вопрос о том, кто способен воспринимать, защищать, представлять внутри и вовне социального объединения данные интересы? Очевидно, что это не каждый член общественности и даже не их совокупность. Принимая во внимание, что частные интересы нередко вступают в противоречие с публичными интересами, реализация последних неизбежно должна быть возложена на тех лиц или группу людей, с позицией которых согласно большинство членов общественного объединения. Данные лица считаются официальными представителями общественности как единого социального субъекта. В этом качестве они наделяются специальными обязанностями, правами и полномочиями, позволяющими им реализовывать отношения господства и подчинения с целью обеспечения публичных интересов. Благодаря такому формированию власть приобретает характеристику народности, что отождествляет её с народовластием и демократизмом. Как верно замечает В. В. Таболин, народность и публичность вполне можно признать родственными понятиями, во главе которых стоит народовластие и общественные интересы [14, с. 11]. С другой стороны, народность публичной власти есть её признание, одобрение и доверие, из которых выводится такая сущностная характеристика, как легитимность [15, с. 148].

Легитимность как признак публичной власти признаётся и упоминается многими исследователями. В частности, Марченко А. А. по данному поводу считает, что характерным признаком публичной власти выступает её признание со стороны подвластных. Имея потребность в управлении, они наделяют специально организованный субъект функцией руководства территориально-организованной общностью людей [6, с. 23].

Югов А. А. отмечает, что публичная власть – это легитимная власть. Она возникает и существует на основе представительства, базируется на свободно выраженном доверии тех людей, в отношении которых осуществляется властное регулирование [5, с. 44].

Вершинина С. И. говорит о том, что сама способность властвовать вытекает из консолидации полномочий каждого члена общества и передачи их публичному субъекту. Учреждая данный субъект, общество определяет предмет его ведения и делегирует ему часть своих полномочий на решение этих вопросов. В этой связи природа публичной власти производна от волеизъявления каждого члена социального объединения. При этом человек одновременно выступает и источником публичной власти, и объектом её управления [16, с. 8].

Зарубежные представители научной мысли аналогичным образом считают легитимность важным признаком публичной власти. М. Вебер видел её в качестве признания господства правителей и подчинённости управляемых [17, с. 26].

Ю. Хабермас рассматривает её как процесс интеграции и поддержания большинством членов общества тех ценностей и норм, которые провозглашаются и преследуются властвующим субъектом [18, с. 183]. Липсет С. М. говорит о легитимности как способности политической системы поддерживать веру населения в пригодность действующей власти для данного общества [19, с. 104].

Авдеев Д. А. констатирует, что легитимность власти – это не только согласие народа с проводимой политикой властвующего субъекта, но также всеобщее признание и одобрение его властной деятельности, выраженное через политическую волю большинства избирателей. Легитимность придаёт политическим решениям характер общности, народности, публичности, демонстрирующих выраженную в них волю большинства [15, с. 148].

Как видно, публичная власть существует с того момента и до тех пор, пока члены социального объединения чувствуют потребность в обеспечении общих интересов, убеждены в необходимости отношений господства и подчинения, а также доверяют их реализацию конкретным лицам (аппарату управления). Когда пропадает эта общая убежденность, потребность и доверие, публичная власть теряет свой источник и перестаёт существовать. В противном случае не признаваемая и не одобряемая народом, она утрачивает свойство публичности (открытости, доступности, народности), деформируется, изменяет сущность, форму и преобразуется в совершенно иной вид власти. Например, в случае захвата власти путём прямого обмана или нелегитимного насилия кардинальным образом изменяются цели реализации отношений господства и подчинения, сменяются правила функционирования властвующего субъекта, преследуются не общие, а частные интересы или интересы отдельной группы людей. Поэтому во избежание деформации и утраты связи с источником усилия публичной власти в той или иной мере всегда направлены на поддержание своей легитимности.

В контексте легитимности особое значение имеет право публичной власти на использование принуждения. Принуждение есть проявление силы, выступающей неотъемлемым компонентом власти. Особенность публичной власти состоит в том, что данная сила применяется от лица территориально-организованного сообщества. Заранее ограничивая свою свободу и делегируя полномочия ограниченному кругу лиц, составляющих аппарат управления, население предполагает и добровольно предоставляет возможность использования принуждения в отношении самого себя, а именно – в отношении нарушителей охраняемых благ, норм и правил поведения. Первостепенное значение при этом имеют цели принуждения, так или иначе преследующие охрану, защиту, обеспечение и реализацию публичных интересов. Иными словами, принуждение, осуществляемое публичной властью, применяется во имя общего блага той социальной общности, которая эту власть учредила.

Вершинина С. И. по данному поводу отмечает, что в отношениях с субъектом публичной власти у гражданина, помимо прав, имеются и обязанности, которые он должен исполнять в целях удовлетворения общественных интересов. По этой причине публичная власть призвана не только охранять права частных лиц, но и создавать условия для исполнения всеми своих юридических обязанностей. Она должна быть способна обеспечить исполнение своих управленческих решений, в том числе путём подавления оказываемого сопротивления, пресечения противоправного поведения. Эта сторона публичной власти наибольшим образом связана с использованием принуждения, предполагающего наличие специального аппарата, механизма принудительного воздействия, а также способов и средств его реализации [16, с. 8].

Марченко А. А. также признаёт принуждение неотъемлемым компонентом публичной власти. Он указывает, что характерным признаком публичной власти как

особого волевого социального отношения выступает наличие субъекта управления, обладающего санкционированной возможностью применять силу принуждения и руководить территориально-организованной общностью людей, которые признают за этим субъектом функцию управления и руководства на соответствующей территории [6, с. 23].

В целом необходимо констатировать, что именно принуждение говорит о способности публичной власти управлять обществом, обеспечивать публичные интересы, пресекать и разрешать социальные конфликты. Только при наличии реальной возможности осуществлять систематическое принудительное воздействие от лица социального объединения можно говорить о действительном существовании публичной власти. В этой связи вполне оправданным видится выделение принуждения в качестве одного из сущностных признаков публичной власти.

Таким образом, публичная власть – это особая разновидность социальных отношений господства и подчинения, складывающихся в территориально-организованном коллективе и признаваемых им в целях обеспечения публичных интересов. Проведённый анализ позволяет выделить следующие сущностные характеристики и признаки публичной власти:

- социальный характер;
- наличие территории и постоянно проживающего на ней населения (территориально-организованного коллектива);
- наличие публичных интересов и общей потребности в их обеспечении (охране, защите, реализации);
- наличие аппарата управления, одобряемого и признаваемого населением;
- возможность и способность осуществлять принуждение от имени территориально-организованного коллектива.

Данные характеристики в своей системной взаимосвязи, взаимодополнении и взаимопроникновении выступают неотъемлемым компонентом публичной власти независимо от её формы и исторической ступени развития. Именно система указанных характеристик (признаков) позволяет констатировать наличие публичной власти в том или ином обществе, а также предоставляет возможность отграничить её от иных видов социальной власти.

-
1. Денисов Ю. П., Стаурский С. С. Феномен публичной власти в России в контексте современных трансформационных процессов // Азимут научных исследований: экономика и управление. 2020. Т. 9. № 4. С. 17–21.
  2. Стариков Ю. Н. Государственное управление в системе единой публичной власти: терминологический итог конституционной реформы // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. 2020. № 1. С. 20–31.
  3. Чиркин В. Е. О современной концепции публичной власти // Государство и право. 2016. № 2. С. 5–14.
  4. Рачинский В. В. Публичная власть как общеправовая категория: теоретико-прикладной аспект: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2003. 28 с.
  5. Югов А. А. Конституционные начала публичной власти: российское измерение // Российский юридический журнал. 2005. № 1. С. 43–53.
  6. Марченко А. А. Категория муниципальной власти: теоретико-правовое осмысление // Бизнес в законе. 2010. № 5.
  7. Гак Г. М. Диалектика коллективности и индивидуальности. М., 1987. 167 с.
  8. Богдан В. В., Шергунова Е. А. К вопросу о понимании общественного интереса // Тренды развития современного общества: управленческие, правовые, экономические и

социальные аспекты: Сборник научных статей 7-й Международной научно-практической конференции. Курск, 2017. С. 43–46.

9. Чикунова Е. В. Индивидуальный интерес и общее благо: проблема согласования // Вестник ТГУ. 2008. № 8 (64). С. 304–308.

10. Бакаева О. Ю., Погодина Н. А. О соотношении частных и публичных интересов // Журнал российского права. 2011. № 4. С. 36–47.

11. Тихомиров Ю. А. Публичное право. М., 1995. 485 с.

12. Макарцев А. А. Публичные и индивидуальные интересы в избирательном праве России: Правовые позиции Конституционного Суда Российской Федерации // Журнал российской права. 2016. № 8. С. 108–117.

13. Энгельс Ф. Анти-Дюринг. М.: Издательство АСТ, 2020. 480 с.

14. Таболин В. В. Эффективность публичной власти: подходы к пониманию и правовой природе // Конституционно-правовые проблемы эффективности публичной власти в России и зарубежных государствах: коллективная монография / под ред. А. А. Ларичева. Петрозаводск: Карельский филиал РАНХиГС, 2017. 328 с.

15. Авдеев Д. А. Легитимность и легитимация российской публичной власти // Правоприменение. 2021. Т. 5, № 2. С. 145–158.

16. Вершинина С. И. Понятие публичной власти и ее взаимодействие с государственным принуждением // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Серия: юридические науки. 2010. № 1. С. 8–12.

17. Вебер М. Избранные произведения. М.: Прогресс, 1990. 808 с.

18. Хабермас Ю. Проблема легитимации позднего капитализма. М.: Праксис, 2010.

19. Филиппов А. Ф. Политическая социология. Фундаментальные проблемы и основные понятия // Полития. 2002. № 2.

1. Denisov Yu. P., Stauriskij S. S. Fenomen publichnoj vlasti v Rossii v kontekste sovremenny`x transformacionny`x processov // Azimut nauchny`x issledovanij: e`konomika i upravlenie. 2020. Т. 9. № 4. S. 17–21.

2. Starilov Yu. N. Gosudarstvennoe upravlenie v sisteme edinoj publichnoj vlasti: terminologicheskij itogo konstitucionnoj reformy` // Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Pravo. 2020. № 1. S. 20–31.

3. Chirkin V. E. O sovremennoj koncepcii publichnoj vlasti // Gosudarstvo i pravo. 2016. № 2. S. 5–14.

4. Rachinskij V. V. Publichnaya vlast` kak obshhepravovaya kategoriya: teoretiko-prikladnoj aspekt: avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk. Ekaterinburg, 2003. 28 s.

5. Yugov A. A. Konstitucionny`e nachala publichnoj vlasti: rossijskoe izmerenie // Rossijskij juridicheskij zhurnal. 2005. № 1. S. 43–53.

6. Marchenko A. A. Kategoriya municipal`noj vlasti: teoretiko-pravovoe osmy`slenie // Biznes v zakone. 2010. № 5.

7. Gak G. M. Dialektika kollektivnosti i individual`nosti. M., 1987. 167 s.

8. Bogdan V. V., Shergunova E. A. K voprosu o ponimanii obshhestvennogo interesa // Trendy` razvitiya sovremennogo obshhestva: upravlencheskie, pravovy`e, e`konomicheskie i social`ny`e aspekty`: Sbornik nauchny`x statej 7-j Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii. Kursk, 2017. S. 43–46.

9. Chikunova E. V. Individual`ny`j interes i obshhee blago: problema soglasovaniya // Vestnik TGU. 2008. № 8 (64). S. 304–308.

10. Bakaeva O. Yu., Pogodina N. A. O sootnoshenii chastny`x i publichny`x interesov // Zhurnal rossijskogo prava. 2011. № 4. S. 36–47.

11. Tixomirov Yu. A. Publichnoe pravo. M., 1995. 485 s.

12. Makarcev A. A. Publichny`e i individual`ny`e interesy` v izbiratel`nom prave Rossii: Pravovy`e pozicii Konstitucionnogo Suda Rossijskoj Federacii // Zhurnal rossijskoj prava. 2016. № 8. S. 108–117.
13. E`ngel`s F. Anti-Dyuring. M.: Izdatel`stvo AST, 2020. 480 s.
14. Tabolin V. V. E`ffektivnost` publichnoj vlasti: podxody` k ponimaniyu i pravovoj prirode // Konstitucionno-pravovy`e problemy` e`ffektivnosti publichnoj vlasti v Rossii i zarubezhny`x gosudarstvax: kollektivnaya monografiya / pod red. A.A. Laricheva. Petrozavodsk: Karel`skij filial RANXiGS, 2017. 328 s.
15. Avdeev D. A. Legitimnost` i legitimaciya rossijskoj publichnoj vlasti // Pravoprimerenie. 2021. T. 5, № 2. S. 145–158.
16. Vershinina S. I. Ponyatie publichnoj vlasti i ee vzaimodejstvie s gosudarstvenny`m prinuzhdeniem // Vektor nauki Tol`yattinskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: yuridicheskie nauki. 2010. № 1. S. 8–12.
17. Veber M. Izbranny`e proizvedeniya. M.: Progress, 1990. 808 s.
18. Habermas Yu. Problema legitimacii pozdnego kapitalizma. M.: Praksis, 2010.
19. Filippov A. F. Politicheskaya sociologiya. Fundamental`ny`e problemy` i osnovny`e ponyatiya // Politiya. 2002. № 2.

Информация об авторе

Фомичев Андрей Андреевич. Старший преподаватель кафедры криминалистики и предварительного расследования в ОВД, кандидат юридических наук.

Орловский юридический институт МВД России имени В.В. Лукьянова.
302028, Россия, г. Орел, ул. Игнатова, 2.

Information about the author

Andrey An. Fomichev. Lecturer of the Department of Criminology and Preliminary Investigation. Candidate of Law.

Lukyanov Orel Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia, Orel, Russia.
302028, Russia, Orel, Ignatov Str., 2.

Статья поступила в редакцию 27.01.2025; одобрена после рецензирования 20.05.2025; принята к публикации 17.06.2025.

The article was received in the editorial office on 27.01.2025; approved after review on 20.05.2025; accepted for publication on 17.06.2025.